

Научная статья

УДК 821.161.1.09 “18”

DOI 10.17223/18137083/82/9

Тургеневский контекст в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека»

Татьяна Геннадьевна Дубинина

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

Аннотация

Рассмотрен вопрос о тургеневском влиянии на повесть А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека». В небольшой по объему повести упоминаются или цитируются три произведения Тургенева – романы «Отцы и дети» и «Накануне», а также повесть «Три встречи». В этой связи можно говорить о различных типах художественного диалога – от прямых цитат и реминисценций до типологии героев и системы мотивов. Автор статьи настаивает, что изучение цитаций оказывается важным, но недостаточным. Помимо типологической связи героев романов Тургенева и чеховской повести, изучения системы мотивов и художественных приемов предлагается попытка анализа художественного видения мира обоих писателей.

Ключевые слова

Тургенев, Чехов, роман, повесть, «Отцы и дети», «Накануне», «Рассказ неизвестного человека», контекст, аллюзия, картина мира

Для цитирования

Дубинина Т. Г. Тургеневский контекст в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 129–137. DOI 10.17223/18137083/82/9

Turgenev’s context in the novel “The Story of an Unknown Man” by A. P. Chekhov

Tatiana G. Dubinina

Moscow City University
Moscow, Russian Federation

dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

Abstract

The paper considers the question of Turgenev’s influence on the novel of A. P. Chekhov “The Story of an Unknown Man.” It is well known that Chekhov was affected by the works of his

© Дубинина Т. Г., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 129–137
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 129–137

great predecessor. Scholars consider the novel under consideration to be the text with the most significant influence of Turgenev. Three works of Turgenev are mentioned or quoted in the short novel: “Fathers and Children,” “On the Eve,” and “Three Encounters. This work aimed to identify and analyze the Turgenev motifs in Chekhov’s novel. The principal method of research is comparative-historical. Various types of artistic dialogue can be discussed, from direct quotations and reminiscences to a hidden dispute with Turgenev’s worldview. Besides identifying the typological connection between the characters of Turgenev and Chekhov, an attempt was made to analyze the artistic vision of the world of both writers. It was found that Chekhov and Turgenev both agreed on the indisputable importance of parental love, despite their differing opinions on such fundamental concepts as the love between a man and a woman and the existence of entire and powerful people. Also, Turgenev and Chekhov proved to have a similar understanding of the sorrow and briefness of human life. Both writers share the ability to accept quiet as a response to the most pressing queries. Both writers had a preference for silence as an answer to the most pressing questions.

Keywords

Turgenev, Chekhov, Novel, story, Fathers and Sons, The Day Before, The Story of an Unknown Man, context, allusion, picture of the world

For citation

Dubinina T. G. Turgenev’s context in the novel “The Story of an Unknown Man” by A. P. Chekhov. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 129–137. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/9

Вопрос о восприятии А. П. Чеховым творчества И. С. Тургенева неоднократно поднимался в отечественной науке, однако решенным его считать нельзя. Известно, что писатель не любил сравнений со своими предшественниками, полагая, что при желании любое произведение можно «пристегнуть к чему угодно» (Чехов. Письма, 1974–1983, т. 8, с. 319). В то же время интерес Чехова к тургеневскому творчеству сомнению не подлежит – известно, что писатель восхищался финалами романов «Накануне» и «Отцы и дети», высока и частотность обращений к имени Тургенева и его сочинениям на страницах чеховских произведений.

Говоря о чеховском «Рассказе неизвестного человека», нельзя не изумиться объему «припоминания» Тургенева в этом сравнительно небольшом тексте. Отсылки к Тургеневу разнообразны – от прямого цитирования («Три встречи») до скрытых реминисценций. Вопрос о тургеневской традиции в «Рассказе неизвестного человека» рассмотрен, в частности, в работах Г. М. Ребель [2012; 2018], М. Л. Семановой [1957], Е. В. Тюховой [2005], Г. И. Ямпольского [1986]. Е. В. Тюхова отмечает типологическую связь героинь Чехова и Тургенева. Г. М. Ребель справедливо пишет о серьезном влиянии романа «Отцы и дети» на чеховское творчество в целом и на «Рассказ неизвестного человека» в частности. Исследователь предлагает очень интересный взгляд на героя чеховской повести Орлова, типологически возводя его к тургеневскому Базарову с его прямым и честным отношением к миру. Соглашаясь с общими выводами исследователей, рискнем предложить свой взгляд на отношение Чехова к тургеневской традиции. Отметим, что при изучении этого вопроса работа по анализу цитат и реминисценций оказывается важной, но недостаточной. Чеховская рецепция тургеневского творчества была гораздо сложнее и разнообразнее, чем кажется на первый взгляд. Изучая эту проблему, исследователь неизменно сталкивается с экзистенциальными вопросами, касающимися смысла жизни, любви, отношения человека и мироздания. Нет сомнений в том, что у Чехова был «свой» Тургенев. Об очень личном отношении писателя к Тургеневу свидетельствует и его переписка [Григорян,

2019]. Именно на уровне выявления особенностей художественного мировидения Тургенева и Чехова следует, на наш взгляд, вести подобные разыскания.

Нельзя не заметить, что само название повести указывает на значимость тургеневского контекста. «Рассказ неизвестного человека» очень созвучен «Дневнику лишнего человека». Повествование и у Тургенева, и у Чехова ведется от первого лица. Представляется, что сам концепт «лишний человек», закрепленный Тургеневым в русской культуре, является важным смысловым ключом повести. Думается, что это тема для большого отдельного исследования, поэтому в данной статье мы лишь обозначим этот аспект, сосредоточив свое внимание на трех тургеневских текстах, оказавших влияние на «Рассказ неизвестного человека», – романы «Отцы и дети», «Накануне» и повесть «Три встречи».

Начать проще всего с очевидных цитат. Так, в одном из разговоров главный герой «Рассказа неизвестного человека» иронически назовет Орлова, в которого страстно влюблена героиня Зинаида Федоровна, сфинксом: «Неужели было так трудно разгадать его? Хорош сфинкс! Сфинкс – камер-юнкер!» (Чехов. Сочинения, 1977, т. 8, с. 200)¹. В романе «Отцы и дети» Павел Петрович Кирсанов дарит своей возлюбленной перстень с изображением сфинкса. У Тургенева этот знак связан с загадкой любви. Интересно отметить, что Зинаида Федоровна страстно и слепо влюблена в Орлова – она готова на любые уступки, даже и унижения, лишь бы оставаться рядом с возлюбленным. Героиня тешит себя самообманом, что он – редкий, необыкновенный человек, тяготящийся службой и высшим светом. Между тем Орлова вполне устраивают и служба, и свет, и образ жизни, который он ведет. Он человек крайне прозаический, если не сказать циничный, в чем признается и сам. Тургеневский знак (сфинкс) использован Чеховым скорее в ироническом ключе – тут нет тургеневского агностицизма и трепета перед великой загадкой любви, напротив, звучит как будто двойная насмешка – над «предметом» горячей привязанности героини (высказанная в тексте рассказчиком) и над самим чувством – насмешка уже авторская, ведь Орлов никак не отвечает образу, нарисованному пылким воображением Зинаиды Федоровны.

Сюжетные элементы романа Тургенева «Накануне» явно обнаруживаются в сюжете чеховского текста. Напомним, тургеневская героиня Елена Стахова влюбляется в болгарина Дмитрия Инсарова, тайно от всех выходит за него замуж, а потом отправляется с ним на его родину, чтобы участвовать в ее освобождении. Героиня Чехова, Зинаида Федоровна, открыто рассказывает мужу о своей любовной связи с Орловым и, полная надежд на взаимную любовь и счастье, тоже переезжает к нему, чему, однако, тот совершенно не рад. Обсуждая с приятелями поступок возлюбленной, Орлов и ссылается на Тургенева: «Тургенев в своих произведениях учит, чтобы всякая возвышенная, честно мыслящая девица уходила с любимым мужчиной на край света и служила бы его идее...» (с. 156). Между тем у Орлова нет «идеи», которой он хотел бы «служить», а уж если ему «когда-нибудь понадобится освободить Болгарию», то он не «понуждается в женском обществе» (с. 157).

Как и персонажи «Накануне», герои Чехова оказываются в Венеции. Старинный, романтический город, в котором, кажется, всё дышит счастьем, становится тюрьмой для Елены и ее супруга – болезнь Инсарова обостряется, и он умирает. С ним умирает и надежда на личное счастье Елены. Чахотка чеховского героя

¹ Далее повесть А. П. Чехова цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

также обостряется в Венеции, но, в отличие от Инсарова, он выздоравливает. И тем не менее именно в этом городе начинает рушиться та духовная близость, которая возникла между Владимиром Ивановичем и его возлюбленной. Поначалу они много и откровенно разговаривают. Спустя месяц, в один из пасмурных дней, обоим вдруг становится скучно. Надежда на счастье, на настоящую, наполненную жизнь и здесь терпит крушение. Примечательно, что, как и у Тургенева в «Накануне», всё происходит в Венеции. Этот город, по выражению Инсарова, «смертью пахнет». И хотя в повести Чехова в Венеции физически никто умирает (Зинаида Федоровна скончалась позже, уже в Ницце), именно в ней персонажи чувствуют разъединяющую их и разъедающую скуку. Короткий душевный подъем сменяется глухой тоской у Зинаиды Федоровны и отчаянием у Владимира Ивановича. Духовная смерть, крушение надежд происходит именно в Венеции.

Рассуждая о художественном присутствии тургеневского романа в «Рассказе неизвестного человека», нельзя не коснуться вопроса типологии главных героев. Инсаров – непримиримый борец за освобождение Болгарии, герой, если так можно выразиться, в прямом смысле. Все остальные мужские персонажи (Шубин, Берсенева и др.) явно проигрывают ему. Что важнее всего, его цель не меняется в течение сюжета романа, даже искренняя любовь к Елене не способна заставить Инсарова отказаться от его дела.

Чеховский центральный персонаж и рассказчик – дворянин, устроившийся служить к Орлову, чтобы быть ближе к его отцу, которого считает «серьезным врагом своего дела». Он – отставной лейтенант флота, много повидавший, в частности совершивший кругосветное путешествие. Еще раз отметим, он дворянин, посвятивший себя служению некоторому «делу» – скорее всего, он народоволец, что уже отмечалось в литературе о Чехове (см.: [Долотова и др., 1977]). Всё это в определенной мере оказывается созвучно тому делу, или той задаче, которой служил и тургеневский Инсаров.

Однако уже в самом начале повести герой отмечает, что им «изо дня в день овладевала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни» (с. 140). Проникшись теплым чувством к Зинаиде Федоровне, он решает спасти ее и увозит за границу. И там происходит окончательный отказ от героических идеалов. Слушая страстные монологи Зинаиды Федоровны о борьбе, о смысле жизни, герой остается холоден. Теперь ему хочется только одного: «...жить! Жить – и более ничего!» (с. 199). Интересы обыкновенной, частной жизни заступают на место высоких идеалов. Место героев с большими чувствами – в романах прошлого, современному человеку такие эмоции не свойственны. Об этом справедливо пишет Е. Г. Новикова [1989]. Типологически сопоставляя героев тургеневского романа «Накануне» и чеховской повести, исследователь размышляет о преемственности поколений в литературе – от романских героев к «героям безвременья», которые появляются в текстах Чехова. Рискнем добавить, что, видимо, дело не только во времени. Важно, что «разгероизация» вовсе не несет отрицательного заряда. Вероятно, по мысли Чехова, это обычный, нормальный ход жизни. Человек со временем меняется, и интересы частные всегда займут место общественных.

Главные героини романа и повести у Тургенева и у Чехова почти противоположны. Зинаида Федоровна, повторимся, склонна видеть в Орлове героическое начало, которого в нем вовсе нет. Когда же наступает жестокая развязка – Орлов оставляет ее беременной, она соглашается ехать с главным героем за границу. И теперь уже он становится для нее «необыкновенным человеком, которого нель-

зя мерить общим аршином» и нравственные требования которого очень высоки. Пылкость, восторженность чеховской героини доходят до некоторой экзальтированности и делают ее отчасти смешной. Представляя себя женщиной независимой, сильной, свободной, она, однако, таковой не является – и в этом ее коренное отличие от тургеневской Елены.

Как и Елена Стахова, чеховская героиня много размышляет о своей вине и свободе. В разговорах с Инсаровым Елена не единожды говорит, что она чутко прислушивается к совести, но та молчит – она не чувствует себя виноватой перед родителями за тайный брак с безродным и бедным болгаринном. Зинаида Федоровна утверждает, что чиста перед Богом и людьми, но в то же время толкует о лживости брака, о важности свободы, а потом вдруг требует, чтобы Орлов представил ее своему отцу и кузине. Ясно, что положение любовницы тяготит ее, как и то, что Орлов не восхищается ее поступком и не ставит ее на пьедестал. Несмотря на искреннюю любовь, а потом и горе, она продолжает хлопотать о туалетах, об устройстве квартиры, что искренне поражает главного героя повести, наблюдающего эту ситуацию со стороны.

Зинаида Федоровна оказывается не «версией» Елены, она противопоставляется ей. Видимо, такой образ Чехов считал более жизненным и современным. Тургеневский контекст в этом случае помогает Чехову высказаться о своем современнике, он оттеняет в нем нечто важное – иногда сложное, иногда простое.

Известно отношение Чехова к тургеневскому роману. «В “Накануне” мне не нравится всё, – писал он, – кроме отца Елены и финала. Финал этот полон трагизма» (Чехов. Письма, 1974–1983, т. 5, с. 174). В этой связи представляется интересным рассмотреть коллизию «отец – дочь» у Тургенева и у Чехова и финалы «Накануне» и «Рассказа неизвестного человека». Николай Артемьевич Стахов, отец Елены, человек холодный, привыкший жить в свое удовольствие. Своей дочери он почти не знает, увлеченный карточной игрой и отношениями с любовницей. Узнав, что Елена вышла замуж за безродного и почти нищего болгарина, он негодует, собирается поднять «историю». Видеть Инсарова отец Елены не желает, с дочерью ведет себя предельно холодно. Однако в день отъезда супругов за границу он приезжает проститься с Еленой, приносит ей образок – «последнее наше родительское благословение» (Тургенев, 1978–2014, т. 6, с. 283), пытается произнести «спич» и не может – руки его дрожат, а из глаз льются слезы. Такой поступок говорит о всепрощающей родительской любви.

Примерно такие же отеческие чувства испытывает чеховский рассказчик по отношению к Соне – дочери Зинаиды Федоровны и Орлова. После смерти возлюбленной он взял девочку к себе и воспитывал как родную дочь: «Я <...> весь ушел в отеческое, или, вернее, идолопоклонническое чувство, которое возбуждала во мне Соня <...>. Я любил эту девочку безумно. В ней я видел продолжение своей жизни...» (с. 209). Именно любовь к Соне озарила жизнь героя новым светом, придала ей смысл, дала ответы на вопросы, его мучавшие. Сам Владимир Иванович говорит, что в этой девочке он, наконец, нашел именно то, что ему было нужно. И именно в счастливый момент своей жизни он понимает, что скоро умрет. Такая коллизия – смерть героя на пике счастья – вновь сюжетно перекликается с историей главных персонажей тургеневского романа. Смерть разлучила их тогда, когда они были вместе, полны надежд и радости, но меньше всего готовы к вечной разлуке. И вновь за сюжетной перекличкой стоит огромный вопрос о видении мира писателями. Тургеневское трагическое понимание хрупкости счастья, конечности «маленькой игры жизни» (Тургенев, 1978–2014, т. 6, с. 299)

и внезапности смерти оказывается близко Чехову. Во многом поэтому он высоко оценил «полный трагизма» финал романа Тургенева.

Повесть и роман имеют схожие мотивы и художественные приемы, ключевые из которых – мотив молчания и прием умолчания. Понимая, что находится на пороге смерти, Владимир Иванович обращается к Орлову в надежде обеспечить Сонину судьбу. Тот же, со своей стороны, находит некую даму, содержательницу детского сада, и обещает определить девочку туда. Во время чтения рассказчиком записки от Орлова Соня сидит на столе и смотрит на него «внимательно, не мигая, как будто знала, что решается ее участь» (с. 213). Чеховская повесть оканчивается этой фразой. Читатель не узнает, что стало с Соней, долго ли прожил Владимир Иванович. Думается, в этой неизвестности также есть доля трагизма, восходящего к финалу «Накануне». Роман Тургенева оканчивается молчаливой реакцией Увара Уваровича на вопрос Шубина, будут ли в России настоящие люди. Также и вопрос о судьбе Сони остается без ответа. Позволим себе отметить, что рассказчик у Чехова читает полученную им записку про себя – молча. Молча смотрит на него и Соня. Отметим, что на принципиальную открытость финалов романов Тургенева указала И. А. Беляева [2018], открытость чеховских финалов общеизвестна.

Думается, что финал и тургеневского романа, и чеховской повести можно сопоставить и с гамлетовским «The rest is silence» («Дальнейшее – молчание» (пер. Б. Л. Пастернака)). Огромный интерес Тургенева к трагедии Шекспира и образу Гамлета известен. Недаром именно Гамлет становится для него воплощением одной из «коренных особенностей человеческой природы». Описывая смерть Гамлета, Тургенев подчеркивает, что, произнеся последнюю фразу, Гамлет «действительно умолкает навеки» (Тургенев, 1978–2014, т. 5, с. 347). В этом слове «действительно» высказалось тургеневское чувство трагического, когда человеческая жизнь может кончиться «действительно» навсегда, что едва ли не было близко Чехову.

Говоря о тургеневских аллюзиях у Чехова, нельзя не остановиться на том, как относятся к персонажам и книгам Тургенева герои чеховских произведений. Примечательно, что ни Владимир Иванович, ни Зинаида Федоровна имени писателя почти не упоминают. Чтобы быть точными, оговоримся, что один раз его вспомнит рассказчик, цитируя Орлова, считающего, что его возлюбленная «начиталась Тургенева». О писателе говорят Орлов и его приятели, причем говорят исключительно в ироническом ключе. Произведения Тургенева, по их мнению, наполнены пустым романтизмом, увлекающим и кружащим голову недалеким дамам, для которых «весь свет с его краями помещается в квартире любимого мужчины» (с. 157). Начитавшись Тургенева, женщины решаются на такие поступки, как Зинаида Федоровна, – со скандалом рвут отношения в браке и открыто сожительствуют с любовниками, придавая всему случившемуся романтический флер и прикрываясь высокими словами о ложности брака без любви, свободе и служении идее. Несчастные же любовники, попавшие в неловкую ситуацию, есть всего лишь «простые смертные», которые теперь вынуждены «расхлебывать кашу». Видимо, тургеневские произведения воспринимаются такими персонажами профанно, как некое общее место, что характерно для чеховской эпохи. Тургенев, как и Толстой и Достоевский, воспринимается в это время уже как «седой патриарх» русской литературы, а культурные концепты, сформулированные в его творчестве, – «дворянские гнезда», «лишний человек», «тургеневская девушка» – действительно стали некоторым общим местом для образованной

части общества. Однако тот факт, что иронически о Тургеневе в тексте повести говорят лишь душевно несостоятельные герои, позволяет предположить, что Тургенев для Чехова значил всё же несколько больше, чем собрание общих мест. Отсылки же к романам «Накануне», «Отцы и дети», о которых мы говорили выше, скорее убеждают в том, что Тургенев писателем читал с большим вниманием и интересом.

Тургеневская повесть «Три встречи» упоминается в чеховском «Рассказе неизвестного человека» лишь однажды. Один из гостей Орлова вспоминает строчки романса. Но сюжет тургеневской повести – история любви и постепенного охлаждения мужчины к женщине и присутствие некоторого случайного наблюдателя – оказывается созвучным Чехову. Интересно, что тургеневский рассказчик тоже выступает своего рода спасителем для героини, он поддерживает ее под руку на роковом для нее карнавале. Подобного героя, сначала наблюдателя, а потом «спасителя», миссия которого, увы, не удастся вполне, встречаем и в «Рассказе неизвестного человека». Таким образом, персонажи Тургенева и Чехова схожи ролью в структуре сюжета.

Тексты Тургенева и Чехова обнаруживают еще ряд важных переключек. При всем «трагическом значении любви» у Тургенева финальной сцене объяснения героев придан несколько иронический оттенок. Напомним, дело происходит в маскарade, т. е. персонажи одеты в костюмы и как будто играют свои роли. Это тем более важно, что сам рассказчик берет на себя функцию некоего всеведущего существа. Но роль оказывается неудачной, ведь, кроме слов «Уж я знаю... Я все знаю...» (Тургенев, 1978–2014, т. 4, с. 241), несчастному герою сказать нечего, и он, по собственному признанию, из персонажа всемогущего превращается в «ухмыляющегося дурачка», но, увы, сделать с этим ничего не может. Ирония, даже гораздо менее мягкая, была близка Чехову – вспомним упоминание сфинкса как знака загадки любви. Более того, тут обнаруживаются переключки текстов на уровне мотивов. Мотив маски, маскарада оказывается значим в повести Чехова. Орлов и Владимир Иванович как будто назначаются Зинаидой Федоровной на роль исключительных, необыкновенных людей – каждый в свою очередь. И каждому из них эта роль не удастся. Таким образом, в обеих повестях актуализируется тема обманчивости жизни. Важно, что при всей ироничности подачи у обоих писателей она приобретает трагический оттенок: мысль о разъединении людей, обманчивости мироздания и о невозможности этому что-то противопоставить становится ключевой и у Тургенева, и у Чехова.

Итак, изучение тургеневского контекста дает возможность по-новому прочесть чеховскую повесть. Тургеневское «проникновение» в текст «Рассказа неизвестного человека» на всех уровнях – от сюжета до системы мотивов – свидетельствует о напряженном внимании Чехова к творчеству предшественника. Множественность тургеневских «маячков» в сравнительно небольшом тексте наводит на следующие размышления. Во-первых, Чехов, очевидно, создает своих персонажей, отталкиваясь от текстов Тургенева. Герои романов уже ушли в прошлое, на смену им приходят другие – гораздо менее масштабные, но представляющие не меньший художественный интерес. Таким образом, Чехов включается в разговор о современном человеке, человеке другой эпохи. Во-вторых, для писателя тургеневское осмысление экзистенциальных вопросов любви, отношения человека и мироздания, краткости, хрупкости и непредсказуемости жизни, очевидно, служит важным элементом художественной картины мира. Вводя множественные знаки из текстов предшественника в свою повесть, Чехов обозначает

эти вопросы, в то же время подробно о них не распространяясь. Нельзя не отметить, что трактовка этих вопросов у обоих писателей часто совпадает.

Список литературы

Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // *Филологический класс*. 2018. № 3 (53). С. 25–32.

Григорян Г. А. Эпистолярные высказывания Чехова о Тургеневе в свете писательской критики // *Учен. зап. Орлов. гос. ун-та*. 2019. № 2. С. 85–89.

Долотова Л. М., Орнатская Т. И., Сахарова Е. М., Чудаков А. П. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 413–518.

Новикова Е. Г. Тургеневские мотивы в «Рассказе неизвестного человека» А. П. Чехова (к проблеме героя) // *Проблемы метода и жанра: Межвуз. сб. ст.* Томск, 1989. С. 219–235.

Ребель Г. М. Чеховские вариации на тему «тургеневской девушки» // *Русская литература*. 2012. № 2. С. 144–170.

Ребель Г. М. Чехов как Базаров. Мировоззренческий и художественный аспекты тургеневской традиции // *Вопросы литературы*. 2018. № 3. С. 218–258.

Семанова М. Л. Тургенев и Чехов // *Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена*. 1957. Т. 134. С. 177–266.

Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи // *Спасский вестник*. 2005. № 12. URL: <http://turgenev.org.ru/>.

Ямпольский Г. И. И. С. Тургенев и его герои в произведениях других писателей // *Поэты и прозаики: статьи о русских писателях XIX – начала XX века*. Л., 1986. С. 275–310.

Список источников

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–2014.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. 525 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

References

Belyaeva I. A. “Pomni moi poslednye tri slova”: k voprosy o srukture finalov v romanax Turgeneva [“Remember my last three words”: on the question of the structure of finals in Turgenev’s novels]. *Philological class*. 2018, no. 3 (53), pp. 25–32

Dolotova L. M., Ornatskaya T. I., Sakharova E. M., Chudakov A. P. Primechaniya [Notes]. In: Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1977, vol. 8, pp. 413–518.

Grigoryan G. A. Epistolarynye vyskazyvaniya Chekhova o Turgeneve v svete pisatel’skoy kritiki [Chekhov’s epistolary statements about Turgenev in the light of literary criticism]. *Scientific notes of Orel State University*. 2019, no. 2, pp. 85–89.

Novikova E. G. Turgenevskie motivy v “Rasskaze neizvestnogo cheloveka” A. P. Chekhova (k probleme geroya) [Turgenev’s motives in “The Story of an Un-

known Person” by A. P. Chekhov (to the problem of a hero)]. In: *Problemy metoda i zhanra: Mezhdvuz. sb. st.* [Method and genre problems: Interuniv. coll. of arts]. Tomsk, 1989, pp. 219–235.

Rebel’ G. M. Chekhov kak Bazarov. Mirovozzrencheskii i khudozhestvennyi aspekty turgenevskoi traditsii [Chekhov asis like Bazarov. Worldview and artistic aspects of the Turgenev tradition]. *Voprosy literatury*. 2018, no. 3, pp. 218–258.

Rebel’ G. M. Chekhovskie variatsii na temu “turgenevskoi devushki” [Chekhov’s variations on the theme of “Turgenev girl”]. *Russkaya Literatura*. 2012, no. 2, pp. 144–170.

Semanova M. L. Turgenev i Chekhov [Turgenev and Chekhov]. *Uchen. zap. Leningr. ped. in-ta im. A. I. Gertsenaia* 1957, vol. 134, pp. 177–266.

Tyukhova E. V. Turgenev i Chekhov: preemstvennye i tipologicheskie svyazi [Turgenev and Chekhov: successive and typological ties]. *Spasskiy vestnik*. 2005, no. 12. URL: <http://turgenev.org.ru/>.

Yampol’skiy G. I. I. S. Turgenev i ego geroi v proizvedeniyakh drugih pisateley [Turgenev and his heroes in the works of other writers]. In: *Poety i prozaiki: stat’i o russkikh pisatelyakh 19 – nachla 20 veka* [Poets and prose writers: articles about Russian writers of the 19th – beginning of the 20th century]. Leningrad, 1986, pp. 275–310.

List of sources

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1974–1983.

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Moscow, Nauka, 1974–1983.

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1978–2014.

Информация об авторе

Татьяна Геннадьевна Дубинина, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID HFF-7101-2022
RSCI Author ID 766286
SPIN 9313-8308

Information about the author

Tatiana G. Dubinina, Candidate of Philology
WoS Researcher ID HFF-7101-2022
RSCI Author ID 766286
SPIN 9313-8308

Статья поступила в редакцию 04.02.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2021; принята к публикации 12.03.2021
The article was submitted 04.02.2021;
approved after reviewing 12.03.2021; accepted for publication 12.03.2021